АДЕРКАС АНТОН МАКСИМОВИЧ
магистрант Санкт-Петербургского государственного университета,
anton.aderkas@gmail.com

ANTON M. ADERKAS
Master's Degree Student of Saint Petersburg State University

ЯНИЧЕВА ТАТЬЯНА ГЕЛИЕВНА
кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
yanicheva@ourfuture.ru

TATYANA G. YANICHEVA
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology
of Saint Petersburg State University

УДК 159.9 + 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В СЕМЬЕ

INTERACONNECTION BETWEEN AGRESSIVINESS OF YOUNGER ADOLESCENTS AND THEIR IDEAS ABOUT RELATIONSHIPS IN THE FAMILY

Аннотация. Работа посвящена проблеме агрессивности и возможности её взаимосвязи с представлениями о взаимоотношениях в семьях у младших подростков. В работе рассматриваются проблема изучения семейных взаимоотношений, трудности непосредственного их изучения и предлагается органичное решение этой проблемы — рассмотрение всего вопроса в парадигме социальных представлений. В рамках этого подхода была описана теоретическая природа детерминации поведения посредством социальных представлений, а также описаны особенности при исследовании этой детерминации в рамках данного исследования. С целью обнаружения взаимосвязей между представлениями о своей семье и уровнем выраженности агрессивности у младших подростков авторами были исследованы 110 подростков в возрасте от 12 до 14 лет. Из них 51 мальчик и 59 девочек. Было установлено, что многие элементы представлений о своей семье имеют тесную взаимосвязь с выраженностью агрессивности и выявлены ключевые из них, имеющие взаимосвязь со многими формами агрессивности.

Abstract. The article deals with the problem of aggressiveness and the possibility of its interrelation with the ideas of relationships in families of younger adolescents. The paper considers the problem of studying family relationships, the difficulties of direct investigation of them and offers an organic solution to this problem — consideration of the whole issue in the paradigm of social views. Within this approach the theoretical nature of behavior determination through social views as well as features in the study of this determination are described. In order to find out the interconnection between the ideas of their family and the level of aggressiveness in younger adolescents, the authors studied 110 teenagers aged 12 to 14 years old (51 boys and 59 girls). It was found out that many elements of the ideas of their family have a close relationship with the severity of their aggressiveness and the key ones having a relationship with many forms of aggressiveness were identified.

Ключевые слова: социальные представления, агрессивность, детско-родительские взаимоотношения, подростки, подростковый возраст.

Keywords: social views, aggressiveness, child-parent relationships, adolescence, teenagers.

Родители и специалисты, взаимодействующие с подростками, сталкиваются с рядом трудностей, самой заметной из которых является резкий рост агрессии в этом возрасте. Поэтому изучение взаимосвязей агрессивности с другими переменными, а также поиск детерминант подростковой агрессии остаётся актуальной задачей для различных направлений психологической науки.

Действительно, этот возраст является самым бурным периодом в жизни любого человека и сопряжён с целым рядом изменений как на соматическом уровне, так и в психике. Начинают проявляться

и, по мере взросления, усиливаться различные подростковые особенности и реакции. Одной из ведущих реакций в этом возрасте становится эмансипация в силу возрастной задачи автономизации от родителей, что вызывает значительный рост напряжённости в семейных взаимоотношениях [8].

Ранее казавшиеся непоколебимыми носителями истины фигуры родителей начинают терять авторитет, в то время как фигуры сверстников и лидеров мнений в их среде обретают всё больше авторитета. Следствием этого становится то, что информация, приходящая из внесемейных источников, увеличивает значимость для ребёнка.

Постоянно ускоряющаяся информатизация современного мира принципиальным образом изменила способ и характер социальных взаимодействий. Коммуникация в значительной степени переходит в виртуальное пространство. А легкодоступность огромного количества информации для подростка в современном мире вовлекает в дискурс всё больше элементов и делает практически невозможной задачу реально оценить непосредственное воздействие этой информации [5, с. 80]. В свою очередь, взаимоотношения в семье, благодаря высокому уровню напряжённости, связанному с этим вопросом в подростковом возрасте, становятся первоочередным объектом дискурса [15].

Однако концепция социальных представлений даёт нам удобный инструмент для исследования данного вопроса. Согласно этой концепции, поведение человека определяется не столько объективной информацией о внешнем мире, сколько тем, как она воспринимается и как на её основе вырисовывается субъективная версия этого мира. Так, внешний мир, как социальный, так и природный, непрерывно производит большие объёмы информации. Человек выборочно воспринимает и усваивает часть этой информации, причём это может быть как осознаваемый, так и неосознаваемый выбор. В итоге на основе этой информации, с учётом бэкграунда и личностных особенностей, у него начинает сформировываться некоторая картина мира, то, что В. Вагнер называет конструированием «локальных миров» [17, с. 322].

По сути, социальные представления являются ментальной конструкцией, которая отражает суммарный итог всех актов коммуникации и специфические знания, сконструированные в процессе дискурса. Сам С. Московичи особенно выделял то, что в конструировании социальных представлений превалирующую роль играют межличностное взаимодействие, разговор и дискурс в целом. При этом подчёркивается, что для возникновения социальных представлений необходимо наличие напряжённости между людьми или коллективами людей [15]. Вспоминая контекст исследования, отметим, что подростковый возраст, со всеми его особенностями и в первую очередь реакцией эмансипации создаёт очень высокий уровень напряжённости в вопросах восприятия своей семьи у ребёнка.

Следует сделать замечание: когда мы говорим о социальных представлениях, мы не можем использовать такие критерии, как «истинное» и «ложное». То есть даже если социальные представления о своей семье не соответствуют наблюдаемой посторонним исследователем картине взаимоотношений в этой семье, они всё равно не могут рассматриваться как «ложные». Социальные представления нельзя рассматривать отдельно от группы, в которой они существуют, и наблюдаемое поведение не может отражать всю сложность конструкции представлений. В. Вагнер, описывая понятие истины в парадигме социальных представлений, отмечает, что истина является консенсуальной и порождается в процессе дискурса. С. Московичи в своих работах использовал термин «доверительная истина». Она формируется и определяется доверием, ощущаемым нами по отношению к тем суждениям и информации, которые мы разделяем с другими представителями группы. Таким образом, В. Вагнер резюмирует, что для любых социальных представлений единственными критериями истинности могут выступать свидетельства, даваемые самой группой, определяющиеся дискурсом [18, с. 105].

Необходимо отметить, что в теории социальных представлений не предполагается существования какой-либо формы коллективного сознания. Социальные представления в ней рассматриваются в качестве ментальных феноменов, которые разделяются всеми членами социальной группы. То есть они являются групповыми социально-психологическими феноменами. Несмотря на то что обычно эту теорию чаще применяют для больших групп, она также подходит и для изучения локальных социальных представлений внутри малых групп. И семья в рамках данного исследования рассматривается именно как малая группа, пусть и обладающая своими специфическими особенностями, но в которой всё равно действуют все механизмы, характерные для малых групп.

Таким образом, эта концепция как нельзя лучше подходит для данного исследования. Она даёт нам прекрасную возможность изучить продукт всего многообразия актов коммуникаций, которые осуществлял подросток, без необходимости искать и оценивать все пути социальных взаимодействий. А плюрализм и общая для большинства социально-психологических школ терминология позволяют пользоваться широким спектром психологических инструментов.

Согласно данной теории, социальные представления являются ментальной конструкцией, которая отражает суммарный итог всех актов коммуникации и специфические знания, сконструированные в процессе дискурса. При этом подчёркивается, что для возникновения социальных представлений необходимо наличие напряжённости между людьми и коллективами людей [15, с. 386]. А подростковый возраст, со всеми его особенностями и в первую очередь реакцией эмансипации, создаёт очень высокий уровень напряжённости в вопросах восприятия своей семьи у ребёнка.

Одной из важнейших функций социальных представлений является детерминация поведения, в том числе и проявлений агрессии. Как отмечает К. Херцлиш: «Анализ социальных представлений неоспоримо свидетельствует, что ориентация поведения составляет одну из главных специфических функций» [14, с. 320]. При этом анализ огромного

количества эмпирических исследований, проведённых в рамках данной концепции, позволяет сделать выводы, что связь между социальными представлениями и непосредственным поведением не является односторонней. В сущности, речь идёт о двунаправленных взаимосвязях, где как представления определяют поведение человека, так и акты поведения, проявляемые другим человеком или группой, также способствуют изменению социальных представлений.

В. Вагнер, описывая этот механизм, указывает, что речь не идёт о непосредственной причинно-следственной обусловленности. Как уже было отмечено выше, представления конструируют внутренние образы мира, которые, в свою очередь, обладают предпосылками к проявлению определённых форм поведения [17, с. 322].

Возвращаясь к контексту нашей работы, чтобы перейти от непосредственно агрессивного поведения к его предпосылкам, нам нужно от понятия «агрессия» перейти к понятию «агрессивность». Прежде чем это сделать, нам надо разобраться с тем, что стоит за понятиями агрессии, агрессивности и враждебности.

На сегодняшний день множество авторов — как отечественных, так и зарубежных — дают различные определения явлению агрессии.

По А. В. Петровскому, агрессия — это целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе. Далее автор разделяет агрессию человека на два типа:

Первый тип агрессии — это большая активность, направленная на самоутверждение.

Второй тип агрессии — это все действия, которые вредят другому человеку или объекту, то есть атаки, акты агрессии, деструктивные действия и т. п. [10].

По Р. С. Немову, агрессия — это поведение одного человека по отношению к другим людям, которое направлено на причинение им неприятностей, нанесения вреда. Таким образом, агрессия человека понимается как враждебность [9].

Л. Берковец даёт очень обобщённое определение агрессии как любой формы поведения, нацеленной на то, чтобы причинить кому-либо физический или психологический ущерб [2, с. 24]

Несмотря на некоторые различия в определении, большинство из них сходятся на том, что агрессия является формой разрушительного поведения, мотивированного на причинение вреда [2; 3; 9; 10].

Следующим понятием, которое необходимо рассмотреть и дифференцировать от агрессивности, является понятие враждебности. На сегодняшний день в психологической литературе нет единого определения этого понятия.

Е. П. Ильин определяет враждебность как недоброжелательное отношение и желание, или даже готовность к причинению зла. Для враждебности также характерна эмоция гнева [7].

Т. Смит определяет враждебность как комплекс негативных оценок, убеждений и отношений к другим людям. Такими отношениями могут быть, например, вражда, отвращение или неприязнь [16].

К. Изард описывает враждебность как комплексную когнитивно-аффективную особенность, черту личности. Она складывается из ряда различных эмоций и когнитивных структур, взаимосвязанных друг с другом. Эмоционально враждебность связана с отвращением, презрением и гневом [6].

Дж. С. Бэйрфут определяет враждебность в качестве антагонистического отношения к людям. Это отношение включает в себя поведенческий, когнитивный и аффективный компоненты. Аффективный компонент обычно включает в себя обиду, негодование, отвращение, раздражение и гнев. А когнитивный состоит из убеждений о недоброжелательности людей к субъекту лично и негативного восприятия человеческой природы в целом [12].

Несмотря на такие разнородные описания понятия враждебности, можно сказать, что все перечисленные авторы так или иначе связывают враждебность с негативными установками в отношении конкретных людей или социальных групп. Также враждебность всегда сопряжена с рядом негативных эмоций.

Наконец, разобравшись с этими двумя понятиями, можем перейти к описанию агрессивности.

Традиционно агрессивность трактуется как перманентное свойство личности, выражающееся в склонности этой личности к агрессии и враждебности. А агрессия, как отмечалось ранее, понимается в виде специфической формы поведения личности.

Наиболее точно разграничил эти понятия А. Басс, ведущий исследователь данного вопроса с эмпирической позиции. Он определял враждебность как реакцию отношения, которую сопровождают негативные чувства и негативные оценки окружающей действительности. Агрессию же он понимал как ответную реакцию, способную причинить вред другому существу. А агрессивность, в свою очередь, — как личностную готовность проявлять эту агрессию [13].

Таким образом, на основе анализа теоретических исследований мы можем предположить, что социальные представления связаны с преобладанием определённых форм агрессивности как предрасположенности к проявлению определенных форм агрессии.

Мы выбрали представления о своей семье в качестве элемента, взаимосвязанного с агрессивностью младших подростков, неслучайно. Семья для детей в этом возрасте всё ещё обладает наибольшей значимостью и продолжает оставаться для них главным социализирующим элементом.

Целью данного исследования являлось изучение взаимосвязи социальных представлений младших подростков о своей семье с выраженностью их агрессивности.

Для достижения данной цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

1. Подобрать адекватные цели и гипотезы методики для выявления представлений о собственной семье и оценки выраженности агрессивности у младших подростков.

2. Выявить представления о собственной семье у младших подростков.

3. Выявить выраженность агрессивности у младших подростков.

4. Выявить взаимосвязь представлений о собственной семье с выраженностью особенностей агрессивности у младших подростков.

Предметом данного исследования являлись социальные представления о собственной семье у младших подростков и агрессивность младших подростков. В качестве объекта исследования были выбраны младшие подростки возрастом от 12 до 14 лет.

Нами была выдвинута гипотеза о наличии связи между выраженностью агрессивности младших подростков и их представлениями о собственной семье. Также нами было выдвинуто предположение о наличии гендерных различий в представлениях о семье у младших подростков.

При выборе методик для проведения данного исследования мы руководствовались рядом требований, предъявляемым к ним:

1. Методики должны соответствовать цели исследования и соотноситься с теоретическими концепциями, отобранными для исследования;

2. Методики должны быть надёжными и валидными;

3. Учитывая особенность младшего подросткового возраста объекта исследования, методики должны быть понятными, иметь подробные инструкции, избегать двусмысленных трактовок в описании и быть удобными при заполнении;

Для выявления выраженности уровня агрессивности мы воспользовались опросником агрессивности и враждебности А. Басса и Э. Дарки *(BDHI)*. Этот опросник был разработан Арнольдом Бассом и Энн Дарки. Данная модификация опросника была адаптирована Г. А. Цукерман для выявления уровня агрессивности и враждебности у подростков [11].

Как уже упоминалось ранее, А. Басс разделил понятия враждебности и агрессивности на отдельные классы. В дальнейшем автор дифференцировал подклассы внутри первоначальных классов, выделив два вида враждебности — обиду и подозрительность — и пять видов агрессии: физическую, косвенную, вербальную, а также раздражение и негативизм [13].

Исследование представлений о своей семье проводилось с помощью методик «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) в адаптации Л. И. Вассермана [4] и авторской анкеты, содержащей вопросы, которые не были раскрыты в первой методике.

Методика «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) в адаптации Л. И. Вассермана позволяет изучить представления подростков о семейных взаимоотношениях. То есть она даёт представление об установках, поведении и методах воспитания родителей такими, какими их видят дети-подростки в этих семьях. Методика «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) позволяет оценить такие элементы в стилях детско-родительского взаимоотношения, как: доброжелательность/враждебность, автономия/директивность и последовательность/непоследовательность в методах воспитания родителей [4].

Данный опросник создан на основе методики Эрла Шафера *Child's Report of Parental Behavior Inventory (CRPBI)*. Дальнейшим продолжением этой методики стала методика З. Метейчика и П. Ржичана *Adolescent o Rodicoch (ADOR)*. Последняя, в свою очередь, была адаптирована для российских подростков в НИПНИ им. Бехтерева Л. И. Вассерманом, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной.

Методика «Подростки о родителях» базируется на доработанной З. Матейчиком и П. Ржичаном теории Э. Шафера, согласно которой тип детско-родительских взаимоотношений можно описать при помощи пяти факторов: «положительный интерес — враждебность», «директивность — автономия», «непоследовательность».

Анкета была создана нами для того, чтобы выяснить социально-демографические характеристики и особенности взаимоотношений в семье, не раскрытые в других методиках.

Анкета состоит из 9 закрытых вопросов. 6 из них направлены на сбор социально-демографических данных о подростке и семье, а 3 других вопроса посвящены не раскрытым в других методиках особенностям отношений в семье: совместному досугу, участию подростка в принятии семейных вопросов и доверия к родителям.

Исследование проводилось на базе средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга (ГБОУ ГБОУ «СОШ №291» и ГБОУ «Лицей №214») в феврале — апреле 2019 года.

В исследовании приняли участие 110 учащихся 6–7 классов, в возрасте от 12 до 14 лет. Из них 51 мальчик и 59 девочек. По возрасту выборка распределилась следующим образом: 12 лет — 43 человека (39,1%), 13 лет — 53 человека (48,2%), 14 лет — 14 человек (12,7%) (табл. 1).

Табл. 1

Характеристики выборки исследования

	12 лет	**13 лет**	**14 лет**	**В сумме**
Мальчики	19	25	7	51
Девочки	24	28	7	59

Результаты, полученные при использовании опросника агрессивности и враждебности *(BDHI)*, отражают выраженность уровня агрессивности у респондентов. Полученные результаты представлены в таблице 2 и на рисунке 1.

Табл. 2

Выраженность уровня агрессивности у младших подростков

Название шкалы	**Норма**	**Среднее значение**	**Ср.кв. отклонение**
Физическая агрессия	2–3	3,07	1,635
Косвенная агрессия	2–3	2,48	1,811
Раздражение	2–3	3,18	1,441
Негативизм	2–3	3,01	1,645
Обидчивость	2–3	2,92	1,355
Подозрительность	2–3	2,68	1,573
Вербальная агрессия	2–3	2,77	1,488
Чувство вины	2–3	3,53	1,488

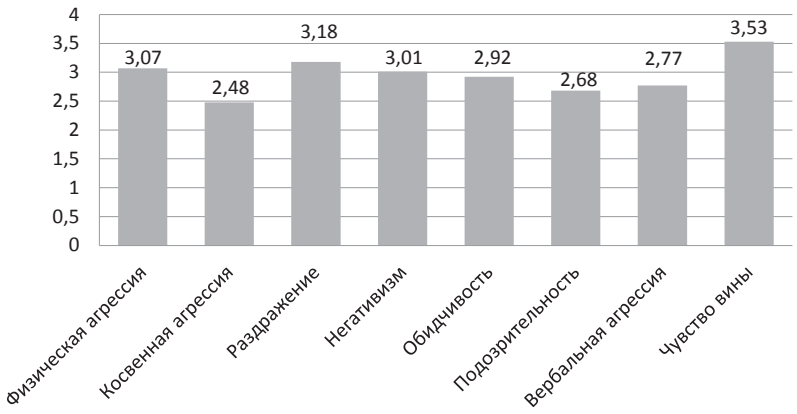


Рис. 1. Выраженность уровня агрессивности у младших подростков, средние баллы

По результатам исследования было обнаружено, что среди опрошенных подростков наиболее часто встречаются: чувство вины у 56 подростков (51%) и раздражение у 50 подростков (45,4%). Наименее часто встречается косвенная агрессия — у 32 респондентов (29,1%).

В среднем, по выборке наиболее ярко выражен показатель чувства вины (ср. балл — 3,53, при норме 2–3). Также выше нормы находятся показатели раздражения, физической агрессии и незначительно выше нормы — показатель негативизма. Следует также отметить, что все остальные показатели также демонстрируют тенденцию смещения к верхней границе нормы, за исключением разве что уровня косвенной агрессивности.

Полученные результаты говорят нам о возможном росте уровня агрессивности и враждебности у младших подростков. Это может быть показателем начала проявления подростковых реакций, и с переходом в старший подростковый возраст агрессивность будет только расти [8].

Результаты исследования представлений о своей семье, полученные методикой «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) в адаптации Л.И. Вассермана, отражают представления респондентов о взаимоотношениях в своей семье (табл. 3 и рис. 2, 3).

В результате было обнаружено, что в отношениях со стороны матери подростки чаще всего отмечают относительно конструктивные взаимоотношения: автономность (высокий у 41 (37,3%), низкий у 28 (25,5%)), близость (высокий у 44 (40%), низкий у 31 (28,2%)), позитивный интерес матери (высокий у 39 (35,5%), низкий у 34 (30,9%)), но при этом и деструктивные встречаются нередко: непоследовательность со стороны матерей (высокий у 38 (34,5%), низкий у 31 (28,2%)) и враждебность матери (высокий у 31 (28,2%), низкий у 53 (48,1%)). С другой стороны, наименее часто отмечают директивность матери (высокий у 18 (16,3, низкий у 62 (65,4%)) и критику со стороны матери (высокий у 18 (16,3%), низкий у 60 (54,6%)).

Со стороны отца чаще всего отмечают: близость (высокий у 50 (45,5%), низкий у 27 (24,5%)), автономность (высокий у 49 (44.5%), низкий у 19 (17,3%)), позитивный интерес от отца (высокий у 42 38,1%, низкий у 7 (6,4%)) и непоследовательность (высокий у 32 (29,1%), низкий у 30 (27,2%)). Реже всего: критику со стороны отца (высокий у 17 (15,5%), низкий у 56 (50,9%)), враждебность (высокий у 27 (24,6%), низкий у 42 (38,1%)) и директивность (высокий у 30 (27,3%), низкий у 51 (50,5%).

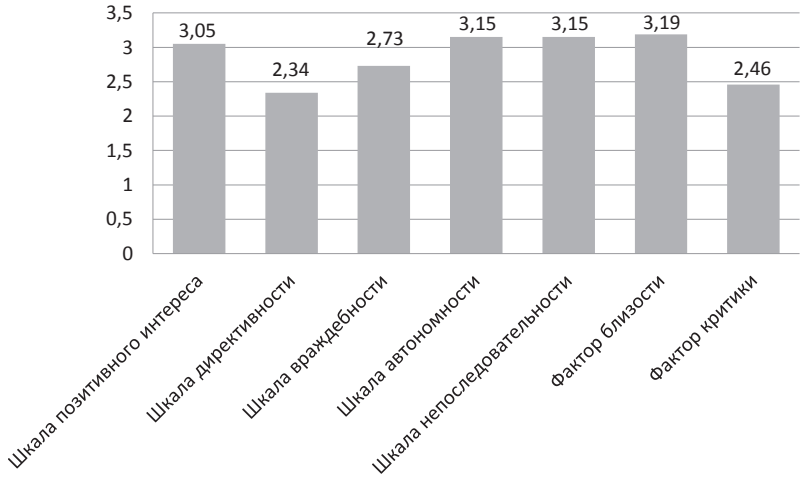
Все показатели в данной выборке относительно близки к норме методики, что вполне логично и подтверждает репрезентативность группы. Отмечается немного пониженный показатель директивности со стороны матери, что может указывать на социальные представления о меньшем контроле со стороны матери в младшем подростковом возрасте.

Также по результатам использования данной методики было проведено сравнение представлений у мальчиков и у девочек, выявившее существенные различия в восприятии отношений.

Табл. 3

Результаты применения опросника «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР)

Название шкалы	Норма	Отношение матери, средний балл	Отношение матери, ср. кв. отклонение	Отношение отца, средний балл	Отношение отца, ср. кв. отклонение
Шкала позитивного интереса	3	3,05	1,039	3,25	1,149
Шкала директивности	3	2,34	1,094	2,72	1,218
Шкала враждебности	3	2,73	1,141	2,75	1,135
Шкала автономности	3	3,15	1,012	3,27	0,937
Шкала непоследовательности	3	3,15	0,969	3,03	0,974
Фактор близости	3	3,19	1,145	3,29	1,052
Фактор критики	3	2,46	1,029	2,54	1,044



Р*ис. 2.* Результаты методики «Подростки о родителях», отношение со стороны матери, средние баллы

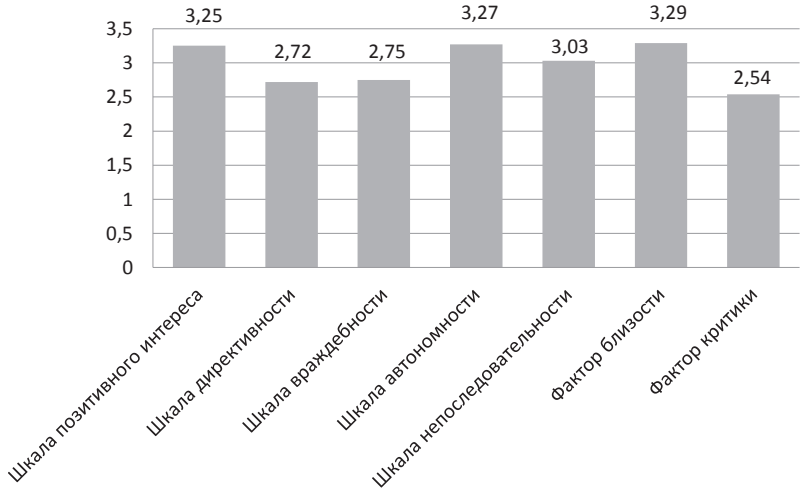


Рис. 3. Результаты методики «Подростки о родителях», отношение со стороны отца, средние баллы

В среднем мальчики отмечают более высокий уровень автономности со стороны матери, нежели девочки, а также выше, чем девочки, оценивают уровень враждебности отца, непоследовательности отца и критики со стороны отца [1].

В результате применения авторской анкеты было установлено, что чуть более половины подростков (61 человек, что составляет 55,5%) отмечают, что иногда проводят свободное время всей семьёй. 46 (41,8%) ответили, что семьи совместно проводят досуг постоянно, и только 3 респондента (2,7%) отметили, что их семьи никогда не собираются в свободное время всей семьей.

Считают, что при решении важных семейных проблем их мнение учитывается, 39 (35,5%) подростков, указывают, что учитывается изредка, 66 (60%), а 5 (4,5%) указывают, что их мнение никогда не учитывается.

В сложных ситуациях 39 подростков (35,5%) делятся всеми своими переживаниями с родителями, 53 (48,2%) отмечают, что изредка делятся и обращаются за советом, а 18 опрошенных (16,4%) проявляют крайнее недоверие к родителям и не делятся с ними переживаниями никогда.

Для анализа взаимосвязей между выраженностью агрессивности и представлениями о своей семье у младших подростков был использован метод корреляционного анализа. Рассчитывались коэффициенты ранговой корреляции Спирмена, вычисления проводились при помощи программы *IBM SPSS Statistics 23.*

В результате нами были выявлены следующие корреляции:

Физическая агрессивность отрицательно коррелирует с совместным проведением досуга (–0,239) (рис. 4, табл. 4).

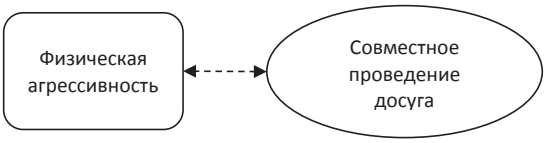


Рис. 4. Характеристика взаимосвязей между выраженностью физической агрессивности и представлениями о своей семье

Табл. 4

Взаимосвязи между представлениями о семье и физической агрессивностью

	Физическая агрессивность	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Совместный досуг	–0,239	0,012

Косвенная агрессивность значимо коррелирует с враждебностью со стороны матери (p = 0,305), непоследовательностью матери (0,310), враждебностью со стороны отца (0,302) и отрицательно с близостью со стороны отца (–0,247) (рис. 5, табл. 5).

Табл. 5

Взаимосвязи между представлениями о семье и косвенной агрессивности

	Косвенная агрессивность	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Враждебность от матери	0,305	0,01
Непоследовательность матери	0,310	0,01
Враждебность от отца	0,302	0,002
Близость отца	–0,247	0,013

Раздражение прямо коррелирует с враждебностью со стороны матери (0,407), непоследовательностью матери (0,358), с директивностью отца (0,237), враждебностью отца (0,360), непоследовательностью отца (0,264) и отрицательно с близостью отца (–0,227) и близостью со стороны матери (–0,243) (рис. 6, табл. 6).

Табл. 6

Взаимосвязи между представлениями о семье и раздражением

	Раздражение	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Враждебность от матери	0,407	0,001
Непоследовательность матери	0,358	0,001
Близость матери	–0,243	0,011
Враждебность от отца	0,60	0,001
Непоследовательность отца	0,264	0,008
Близость отца	–0,227	0,023

Негативизм положительно коррелирует с враждебностью со стороны матери (0,213), непоследовательностью матери (0,334), с директивностью отца (0,211), враждебностью отца (0,436), непоследовательностью отца (0,286) отрицательно с близостью отца (–0,210) (рис. 7, табл. 7).

Табл. 7

Взаимосвязи между представлениями о семье и негативизмом

	Негативизм	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Враждебность матери	0,213	0,026
Непоследовательность матери	0,334	0,001
Директивность отца	0,211	0,034
Враждебность отца	0,436	0,001
Непоследовательность отца	0,286	0,004
Близость отца	–0,210	0,035

Обидчивость положительно коррелирует с враждебностью со стороны матери (0,401), непоследовательностью матери (0,274), враждебностью отца (0,296), непоследовательностью отца (0,255), отрицательно коррелирует с учётом мнения (–0,196), близостью отца (–0,256) и близостью со стороны матери (–0,331) (рис. 8, табл. 8).

Табл. 8

Взаимосвязи между представлениями о семье и обидчивостью

	Обидчивость	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Враждебность матери	0,401	0,001
Непоследовательность матери	0,274	0,004
Близость матери	–0,331	0,001
Враждебность отца	0,296	0,003
Непоследовательность отца	0,255	0,010
Близость отца	–0,256	0,010
Учёт мнения подростка	–0196	0,040

Подозрительность положительно коррелирует с враждебностью со стороны матери (0,233), непоследовательностью матери (0,354), директивностью отца (0,268), враждебностью отца (0,334), критикой со стороны отца (0,230) и отрицательно с близостью отца (–0,218) (рис. 9, табл. 9).

Табл. 9

Взаимосвязи между представлениями о семье и подозрительностью

	Подозрительность	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Враждебность матери	0,233	0,015
Непоследовательность матери	0,354	0,001
Директивность отца	0,268	0,007
Враждебность отца	0,334	0,001
Близость отца	–0,218	0,028
Критика со стороны отца	0,230	0,021

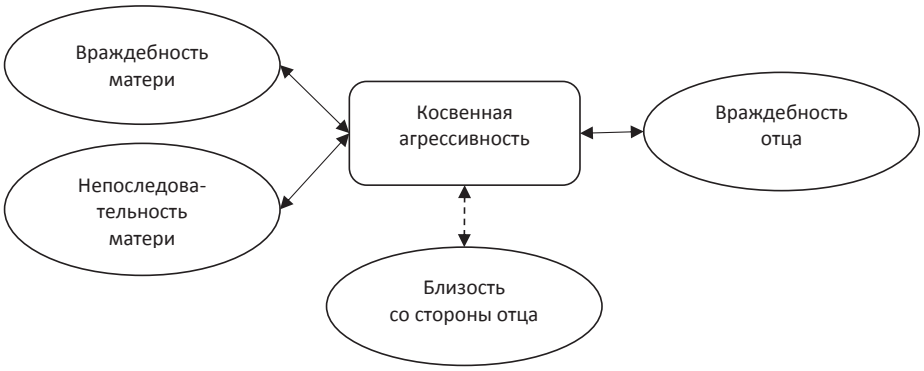


Рис. 5. Характеристика взаимосвязей между выраженностью косвенной агрессивности и представлениями о своей семье

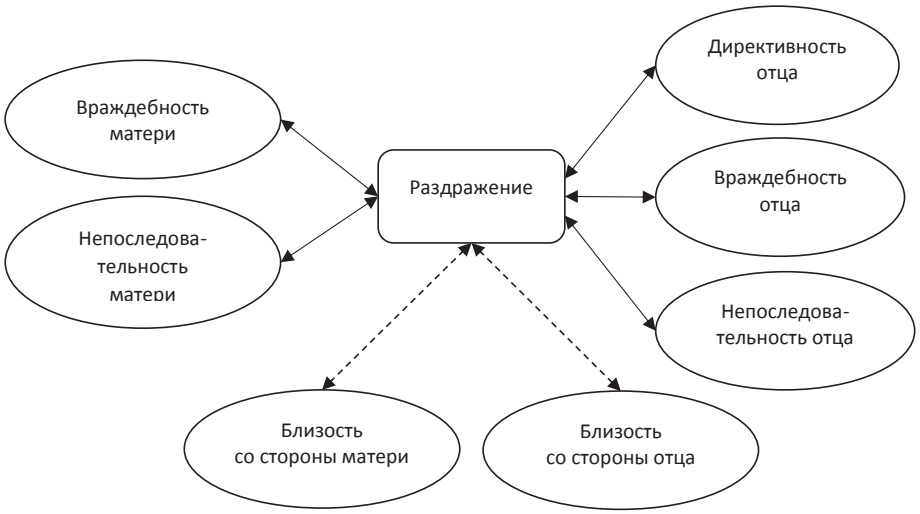


Рис. 6. Характеристика взаимосвязей между выраженностью раздражения и представлениями о своей семье

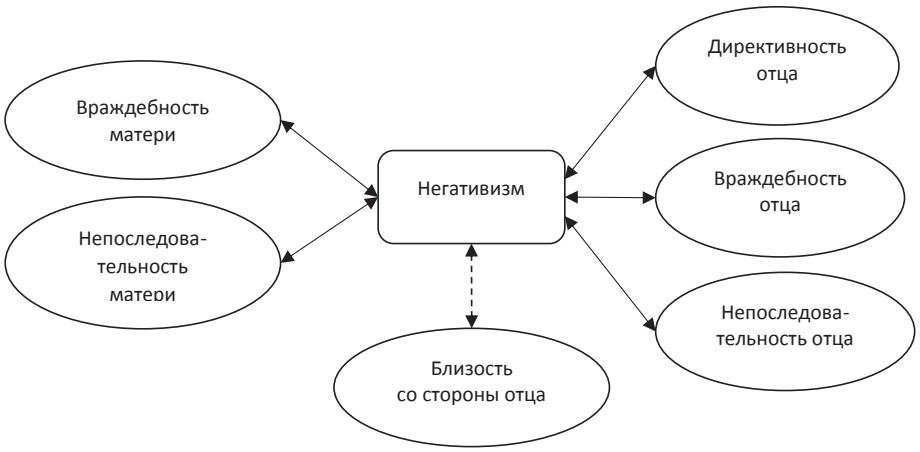


Рис. 7. Характеристика взаимосвязей между выраженностью негативизма и представлениями о своей семье

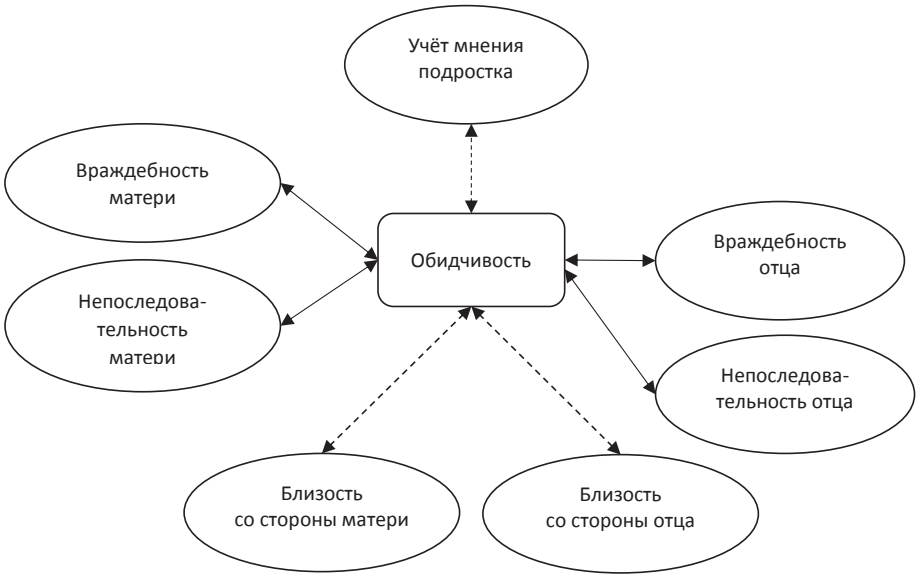


Рис. 8. Характеристика взаимосвязей между выраженностью обидчивости и представлениями о своей семье

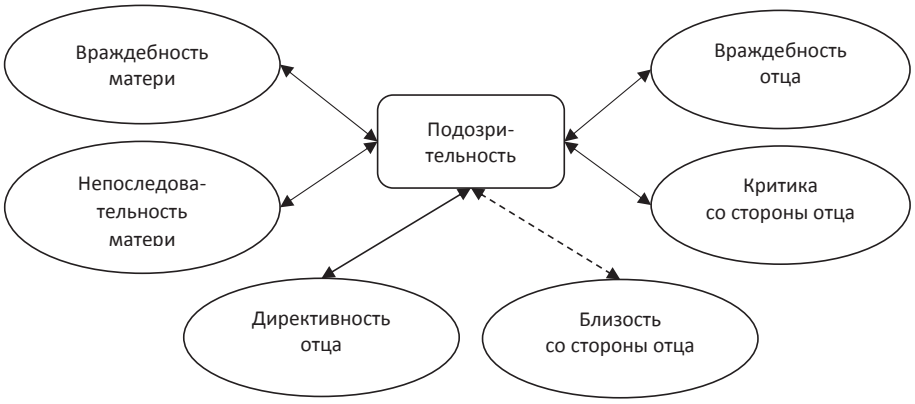


Рис. 9. Характеристика взаимосвязей между выраженностью подозрительности и представлениями о своей семье

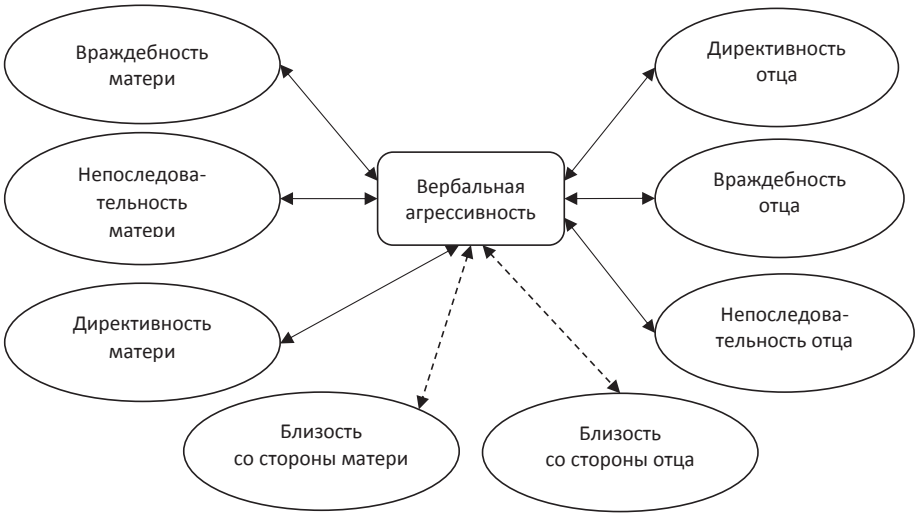


Рис. 10. Характеристика взаимосвязей между выраженностью вербальной агрессивности и представлениями о своей семье

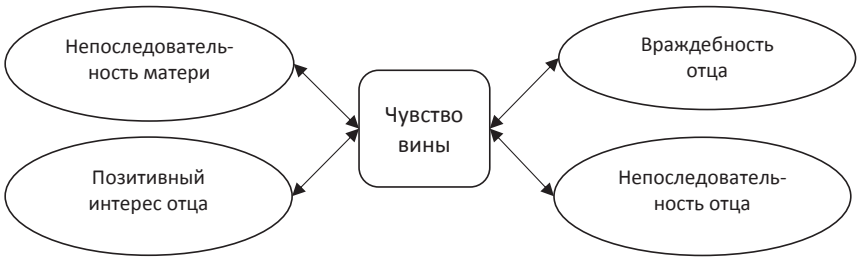


Рис. 11. Характеристика взаимосвязей между выраженностью чувства вины и представлениями о своей семье

Вербальная агрессивность положительно коррелирует с директивностью матери (0,210), враждебностью со стороны матери (0,364), непоследовательностью матери (0,379), директивностью отца (0,265), враждебностью отца (0,337), непоследовательностью отца (0,267) и отрицательно с близостью отца (–0,262) и близостью матери (–0,223) (рис. 10, табл. 10).

Табл. 10

Взаимосвязи между представлениями о семье и вербальной агрессивностью

	Вербальная агрессивность	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Директивность матери	0,210	0,028
Враждебность матери	0,364	0,001
Непоследовательность матери	0,379	0,001
Близость матери	–0,223	0,019
Директивность отца	0,265	0,007
Враждебность отца	0,337	0,001
Непоследовательность отца	0267	0,007
Близость отца	–0,262	0,008

Чувство вины положительно коррелирует с непоследовательностью матери (0,212), позитивным интересом со стороны отца (0,205), враждебностью отца (0,208), непоследовательностью отца (0,217) (рис. 11, табл. 11).

Табл. 11

Взаимосвязи между представлениями о семье и чувством вины

	Чувство вины	
	Correlation Coefficient	**Sig. (2-tailed)**
Непоследовательность матери	0,212	0,026
Непоследовательность отца	0,217	0,029
Враждебность отца	0,208	0,037
Позитивный интерес отца	0,205	0,039

В результате данного анализа можно увидеть, что многие элементы представлений о своей семье имеют тесную взаимосвязь с выраженностью агрессивности.

Особенно стоит отметить то, что непоследовательность и враждебность со стороны обоих родителей положительно коррелируют почти со всеми формами проявления агрессивности. То есть чем более непоследовательными и враждебными воспринимаются отношения родителей в социальных преставлениях подростка, тем более выраженными будут показатели агрессивности в целом.

Но при этом обнаружена и отрицательная взаимосвязь выраженности практически всех форм агрессивности и близости со стороны отца, а также чуть меньшего количества форм агрессивности и близости со стороны матери. Таким образом, чем более близкими воспринимают отношения с родителями, а в особенности с отцом, дети в этом возрасте, тем ниже будут показатели агрессивности в целом.

Особого внимания заслуживает такой показатель, как позитивный интерес со стороны обоих родителей. Несмотря на, казалось бы, позитивную оценку этого воспитательного элемента и поощрение его со стороны общественного мнения, данный показатель не коррелирует практически ни с одним элементом агрессивности отрицательно. А в случае с чувством вины даже усиливает его (позитивный интерес со стороны отца положительно коррелирует с чувством вины у подростка). Однако этот, на первый взгляд, парадоксальный результат очень хорошо вписывается в возрастные особенности младших подростков.

Как неоднократно отмечалось ранее, самой яркой реакцией этого возраста становится эмансипация детей от родителей. В данном контексте позитивный интерес, наряду с директивностью, будет восприниматься подростком скорее как вторжение в личное пространство и покушение на независимость. Поэтому в данном возрасте уместнее будет предоставить ребёнку больше свободы и возможности самому выбирать, чем делиться с родителями, а чем — нет. Этого можно достичь за счёт создания ощущения близости родителей и ребёнка.

Довольно неожиданным было обнаружить, что в данной выборке только один элемент представлений о своей семье (совместное проведение досуга) взаимосвязан с физической агрессивностью. Это

может указывать на низкую вероятность прогнозирования физической агрессии у младших подростков. Дискуссионным остается вопрос, является ли это особенностью данной конкретной выборки или это общая тенденция в данном возрасте. Данный вопрос закладывает фундамент для дальнейшего изучения и проверки этого явления в кросскультурных исследованиях.

Кроме того, было выявлено, что существуют различия в восприятии отношений. Так, мальчики отмечают более высокий уровень автономности со стороны матери, нежели девочки, а также выше, чем девочки, оценивают уровень враждебности отца, непоследовательности отца и критики со стороны отца [1].

На основании данного анализа мы не можем однозначно сказать, являются ли выявленные взаимосвязи однонаправленными. Однако, согласно теоретическим обоснованиям, изложенным в начале этой работы, можно предположить, что именно представления будут формировать картину мира и предрасположенности к различным формам поведения. В том числе и к проявлению определённых форм агрессивного поведения.

Как уже отмечалось ранее, родителям и специалистам, работающим с младшими подростками, необходимо учитывать возрастные особенности подростков, в частности реакцию эмансипации. Можно порекомендовать уменьшить попытку получения информации у подростка прямыми опросами — так вне зависимости от того, являются ли эти опросы директивными требованиями или позитивным интересом, они воспринимаются ребёнком через призму покушения на личные свободы и секреты. С другой стороны, создание доверительной близкой атмосферы и недирективность во взаимодействии могут способствовать установлению ощущения близости у подростка, что должно положительно сказаться на снижении их агрессивности.

В заключение мы хотим добавить, что исследование представлений подростка о своей семье является довольно простым и удобным в повседневной практике инструментом. Причём кроме использованного в данном исследовании опросника «Подростки о родителях» можно использовать и другие методы, позволяющие изучить социальные представления, что предоставляет бóльшую вариативность в выборе инструментов для психолога.

Выявление представлений подростка о своих взаимоотношениях с родителями как о непоследовательных и враждебных может служить индикатором возможного увеличения выраженности агрессивности, а также являться сигналом для более подробного обследования данного подростка и в случае подтверждения — начала превентивной работы с растущей агрессивностью.

1. Адеркас А. М., Яничева Т. Г. Представления о стиле родительского отношения младших подростков различного пола // Ананьевские чтения — 2019: психология обществу, государству, политике, материалы международной научной конференции. 2019 г. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 50–51.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 512 с.
3. Бэрон Р. Агрессия. СПб.: Питер, 2014. 416 с.
4. Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб.: ФАРМиндекс, 2001. 68 с.
5. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400 с.
6. Изард К. Э. Психология эмоций СПб.: Питер, 2008. 464 с.
7. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014. 368 с.
8. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2019. 304 с.
9. Немов Р. С. Общая психология: в 3 т.: Т. 3: Психология личности. М.: Юрайт, 2014. 752 с.
10. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. М.: Академия, 2011. 512 с.
11. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика Методики и тесты. М.: Бахрах-М, 2011. 672 с.
12. Barefoot, J. C. (1992). Developments in the measurement of hostility. In H. S. Friedman (Ed.). Hostility, Coping & Health. Washington DC: American Psychological Association. pp. 13–31
13. Buss A. H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. Journal of Consulting Psychology, 1957, 21, pp. 343–349.
14. Herzlich Cl. La representation social [Social representation]. In Introduction a la psychologie social [Inroducation to social psychology]. P., 1972, pp. 303–323 (in French)
15. Moscovici S. The origin of social representations: a response to Michael. New ideas in Psychology, 1990, 8 (3), pp. 383–388.
16. Smith, T. W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis. Health Psychology, 1992, 11, pp. 139–150.
17. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. Culture and psychology, 1998, 3 (4), pp. 297–329.
18. Wagner W. The Social representation paradigm. The Japanese Journal of Experimental Social Psychology, 1996, 35 (3), pp. 247–255.

Reference

1. Aderkas A. M., Yanicheva T. G. Predstavleniya o stile roditelskogo otnosheniya mladshikh podrostkov razlichnogo pola [Ideas about style of parental relationships of ypunger adolescents of different genders]. *Ananiyevskiye chteniya — 2019.*

Psikhologiya obshchestvu, gosudarstvu, politike: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Ananiyev Readings. Psychology to society, state, politics: Proc. of International Scientific Conference]. St. Petersburg: Skifiya-print Publ., 2019, pp.50–51 (in Russian).

2. Berkovits L. *Agressiya: prichiny, posledstviya i control* [Agression: reasons, consequeces and conrol]. St. Petersburg: Praym-Yevroznak Publ., 2007. 512 p. (In Russian).
3. Beron R., Richardson D. *Agressiya* [Agression]. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 416 p. (In Russian).
4. Vasserman L. I., Gorkovaya I. A., Romitsina Ye. Ye. *Psikhologicheskaya metodika «podrostki o roditelyakh» i yeye prakticheskoye primeneniye* [Psychological method «teenagers about parents" and its practical application]. St. Petersburg: FARMindeks Publ., 2001. 68 p. (In Russian).
5. Yemelyanova T. P. *Konstruirovaniye sotsialnykh predstavleniy v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Construction of social views in the conditions of transformation of Russian society]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2006. 400 p. (In Russian).
6. Izard K. E. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 464 p. (In Russian).
7. Ilyin Ye. P. *Psikhologiya agressivnogo povedeniya* [Psychology of aggressive behavior]. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 368 p. (In Russian).
8. Lichko A. Ye. *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathy and accentuation of character of adolescents]. St. Petersburg: Piter Publ., 2019. 304 p. (In Russian).
9. Nemov R. S. Psikhologiya lichnosti [Personality psychology]. In R. S. Nemov. *Obshchaya psikhologiya. T.3* [General psychology. Vol.3]. M.: Юрайт, 2014. 752 p. (In Russian).
10. Petrrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Akademiya Publ., 2011. 512 p. (In Russian).
11. Raygorodskiy D. Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika: Metodiki i testy* [Practical Psychology: Methods and tests]. Moscow: Bakhrakh-M Publ., 2011. 672 p. (In Russian).
12. Barefoot, J. C. (1992). Developments in the measurement of hostility. In H. S. Friedman (Ed.). *Hostility, Coping & Health.* Washington DC: American Psychological Association. pp. 13–31
13. Buss A. H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 1957, 21, pp. 343–349.
14. Herzlich Cl. La representation social [Social representation]. In *Introduction a la psychologie social* [Inroducation to social psychology]. P., 1972, pp. 303–323 (In French).
15. Moscovici S. The origin of social representations: a response to Michael. *New ideas in Psychology,* 1990, 8 (3), pp. 383–388.
16. Smith T. W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis. *Health Psychology*, 1992, 11, pp. 139–150.
17. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. *Culture and psychology,* 1998, 3 (4), pp. 297–329.
18. Wagner W. The Social representation paradigm. *The Japanese Journal of Experimental Social Psychology,* 1996, 35 (3), pp. 247–255.